

Наталья Зими́на

Алюбрму Geidnurticuc

Содержание документа

Здесь будет текст документа. В данном документе описаны условия сотрудничества между партнерами. Документ составлен в соответствии с требованиями законодательства и содержит все необходимые условия для заключения сделки.

Настоящим документом подтверждается, что стороны достигли соглашения о сотрудничестве. Все условия сделки описаны в данном документе. Стороны обязуются соблюдать все условия, изложенные в документе, и нести ответственность за их выполнение.

Подпись и печать сторон. Документ подписан и скреплен печатью. Стороны подтверждают, что они ознакомлены с условиями сделки и согласны с ними. Документ вступает в силу с момента подписания.

Л.И.И.

Генеральный директор ООО «Алюбрму»
Иванов Иван Иванович

**Любовь не входит в
контракт**

Наталья Зимина

Любовь не входит в контракт

«Автор»

2026

Зими́на Н. Ю.

Любовь не входит в контракт / Н. Ю. Зими́на — «Автор», 2026

У Артёма Ланского проблема: устав компании требует семейного директора, а он вдовец, за которым охотится партнёр с акциями. У Алины Соболевой — счёт за мамину операцию, с которым не справиться. Решение: год брака по договору с пунктом 7.2 «чувства не предусматриваются». Всё идёт по плану ровно до Мюнхена, где пункт перестаёт действовать, а сердце — подчиняться. Роман о фиктивном браке, который оказался настоящим раньше, чем высохли подпись.

© Зими́на Н. Ю., 2026

© Автор, 2026

Наталья Зими́на

Любовь не входит в контракт

ГЛАВА 1. КОНВЕРТ ИЗ КЛИНИКИ

Алина Соболева три года была личным ассистентом Артёма Ланского и знала о его жизни больше, чем он сам: что он пьёт кофе без сахара, но с щепотью корицы; что по вторникам он звонит дочери из машины, чтобы «дома быть просто папой»; что четыре года назад он похоронил жену и с тех пор ни с кем дольше полугода не задерживался.

В то утро ей пришли сразу два события. Первое — в дверь почтового ящика: конверт из кардиоцентра. Мама. Операция на клапане, срочная, в идеале — у Хансена, в клинике под Мюнхеном. Сумма внизу счёта была написана так, будто её набирал человек без чувства юмора.

Второе — в календарь: внеочередной совет директоров «Ланской и партнёры». Повестка одна строка: «соответствие генерального директора требованиям устава». Устав писал ещё дед Артёма, сталевар и семьянин: «компанию возглавляет человек семейный». У покойной жены Артёма была мать — Маргарита Павловна, дама с деньгами и обидой; у Артёма был партнёр Ипполит Давыдов, человек без устава вообще. Вместе они могли снять его с поста. А без него компанию резали бы на части, как торт на похоронах.

— Алина, — сказал Артём в приоткрытую дверь, — вы сегодня бледнее моего расписания. Кофе. И, если можно, в переговорную — всю мою вежливость, какая есть.

Всю вежливость она принесла — вместе с корицей. Совет он вытянул: холодно, аккуратно, по пунктам. А вечером она сидела в приёмной и держала конверт из кардиоцентра так, как держат зубную боль — привычно и безнадежно.

— Соболева. — Он вышел из кабинета, задержался. — Вы что-то держите в руках так, будто это приказ о вашем расстреле.

— Это счёт, Артём Андреевич. Просто счёт.

Он посмотрел на неё поверх конверта — и, как всегда, увидел больше, чем она показывала. Три года она думала, что работает на человека, который не замечает людей. На третий год она начала подозревать, что он замечает всё — и молчит, как разведчик.

ГЛАВА 2. ПРЕДЛОЖЕНИЕ НЕ РУКОЙ И НЕ СЕРДЦЕМ

Разговор случился на следующий день, в семь вечера, в его кабинете — официальном, с портретом деда над столом.

— У меня к вам деловое предложение, — сказал Артём. — Нехорошее, выгодное и на один год. Три в одном, редкое сочетание.

Он положил на стол папку. На папке было написано: «Брачный договор (фиктивный)».

— Устав требует семейного директора. Маргарита требует внучку «в стабильной среде». Давыдов требует моё кресло. Через месяц — годовой совет, и если к нему у меня не будет семьи, я его проиграю. Вы умны, лояльны и знаете меня лучше жены, которая у меня могла бы быть. Год брака. Совместные выходные, две-три встречи с психологом Сони, Годовщина для прессы. Расходы на операцию вашей матери — на меня. Клиника Хансена, я уже узнавал, окно через три недели.

Алина смотрела на папку и чувствовала, как в ней борются четыре женщины: гордая, практичная, влюблённая (три года, тихо, без шансов) и дочкина — та, у которой мама одна.

— Пункт семь-два, — сказала она наконец, листая. — «Стороны не вправе интерпретировать отношения как романтические, равно как и сообщать третьим лицам об их отсутствии». Вы сами писали?

— Юристы. Я правил ошибки.

— Артём Андреевич, а если я откажусь — что будет с пунктом про Хансена?

— Ничего. Окно для операции Хансен держит месяц. Я оплатил бы его в любом случае, Соболева. Вы три года задерживаете мне зарплату своей матери из своей же премии — вы думали, бухгалтерия не скажет?

Вот тогда она и поняла, что пропала. Не от денег. От того, что он знал — и молчал три года.

— Я согласна, — сказала Алина. — Но с правками. Пункт про «интерпретацию» — двусторонний. И спим в разных комнатах.

— Принято, — сказал Артём Ланской так, будто подписывал контракт века.

ГЛАВА 3. ДВЕ МАТЕРИ

Мама всё поняла по одному взгляду — мамы в этом смысле эффективнее любой разведки.

— Фиктивный, — сказала она, перечитав договор поверх очков. — Алиночка. У тебя глаза плачут вперёд тебя на два года. — И, помолчав: — Но Хансен... Ладно. Только, пожалуйста, не полюби его. С такими, как этот, падают больно, а мне теперь беречься.

С Маргаритой Павловной получилось хуже. Бабушка Сони приехала на «знакомство» в боевом костюме и с юристом за спиной — на всякий случай, как пистолет за голенищем.

— Значит, ассистентка, — сказала она, разглядывая Алину, как разглядывают мебель перед покупкой. — Артём, я не оспариваю твоё счастье. Я оспариваю твою память. Четыре года — и вот. А Соня? Соня успела привязаться?

— Соня, — сказал Артём, — успела привязаться ко мне. Что не мешает вам подавать иск об опеке, маман. Подавайте. Суды любят, когда бабушка приходит с юристом, а отец — с годовой выручкой компании за спиной.

Дамы раскланялись, как рапиры. Алина поняла главное: в этой войне нейтралитет невозможен, а её мандат — «стабильная среда для ребёнка» — придётся отстаивать не на бумаге.

ГЛАВА 4. ЗАГС БЕЗ КОЛОКОЛОВ

Регистрация вышла по контракту: четверг, десять утра, ЗАГС на Пятницкой, свидетели — водитель Роман и Сони́на няня. Дочь Артёма пришла сама — «я тоже подпишу», — в джинсах и с шахматной доской под мышкой: «У вас тут всё скучно, я расставляю фигуры».

— Вы полгода как живёте вместе, я не слепая, — сказала она Алине, пока расписывались. — Я просто хочу знать правила. Мамины правила висят на кухне на доске. Вы их читали?

— Прочту сегодня же.

— И добавьте свои. Иначе это не дом, а музей.

Сотрудница ЗАГСа сказала «поцелуйтесь» — и в наступившей тишине было слышно, как Роман дышит в спину. Артём поцеловал Алину в уголок губ — по-деловому, по пункту семь-два. Алина всю дорогу до дома молчала, потому что уголок губ горел, как маркиза на ветру, и это было стыдно — в двадцать семь лет реагировать на поцелуй из приложения к договору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.